

на правах рукописи

БАРАЦКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Самарский государственный социально–педагогический университет»

Научный руководитель: Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор (г. Самара)

Официальные оппоненты: Ставицкий Владимир Вячеславович доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет», профессор, (г. Пенза)

Долбунова Екатерина Владимировна кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж», младший научный сотрудник (г. Санкт–Петербург)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк)

Защита состоится 19 сентября 2017 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.171.03 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 407.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б и на сайте <http://dissovet.udsu.ru/board/d-999-171-03>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak3.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://dissovet.udsu.ru/board/d-999-171-03>.

Автореферат разослан « _____ » 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Неолитический период является одним из важнейших этапов в истории первобытного общества. Проблема перехода от мезолита к неолиту уже давно вызывает повышенный интерес исследователей. Данная тема связана с тем, что, по мнению одних специалистов, в неолитический период появляется производящее хозяйство, а по мнению других – приоритетным является возникновение гончарного производства. Оба этих фактора повлияли на формирование оседлого образа жизни, который стал еще одним компонентом понятия неолит. Для степного Поволжья среди исследователей нет однозначного мнения о наличии производящего хозяйства в неолите. В различных регионах эти инновации появлялись не одновременно, что свидетельствует о своеобразии развития в различных регионах. До сих пор сохранялась проблема хронологии начала неолита, вызванная малочисленностью и противоречивостью дат.

Актуальность темы исследования. До начала 80-х годов XX века эпоха неолита степного Поволжья исследовалась в недостаточной мере. Но в последующие десятилетия в регионе были изучены эталонные памятники от мезолита до энеолита, что позволило выдвинуть первые концепции развития неолита в интересующем районе. Выделенные в результате исследований И.Б. Васильева, А.А. Выборнова, П.М. Кольцова, А.Н. Мелентьева, И.Н. Наумова, А.И. Юдина во второй половине XX века группы памятников, культур и культурных областей требуют более чётких и проверенных определений. Вызвано это тем, что одни и те же неолитические памятники на интересующей территории исследователи относят к различным культурам или культурным общностям. Необходимость установления контактных регионов обусловлена как географическим положением степного Поволжья, так и единой речной системой. Неравномерность развития археологических культур на различных территориях в период неолита осложняет ситуацию с созданием целостной картины их культурно–хронологического соотношения. Степное Поволжье в южной части граничит с Кавказом и Средней Азией, где, по мнению ряда исследователей, скотоводство и земледелие появляется раньше, а значит, данный регион, возможно, является контактной зоной между Кавказом и другими территориями не только в географическом плане, но и в распространении новых технологий и идей, которые зарождались в более развитых регионах Ближнего Востока. Что касается степного Поволжья, то у ученых нет однозначного ответа на то, появляется ли производящее хозяйство в неолите, или оно продолжает носить присваивающий характер.

Для степного Поволжья, несмотря на полученные серии радиоуглеродных дат, сделанных по различным материалам, одним из спорных остается вопрос о хронологии. Противоречивость радиоуглеродных дат, а зачастую их отсутствие для ряда неолитических памятников без сохранившегося культурного слоя, остается насущной проблемой для данного

региона. Судя по радиоуглеродным определениям, степное Поволжье может являться одним из наиболее ранних очагов распространения керамического производства в Восточной Европе. В целях источниковедческого анализа необходима дополнительная проработка керамических и кремневых комплексов неолитических памятников. Кроме того, полученные новые материалы способствуют более глубокому пониманию и решению проблем культурно-хронологического соотношения памятников неолита.

Созданные исследователями схемы культурогенеза были крайне важны для воссоздания картины развития культурных типов и культур в степном Поволжье. Однако, с получением новых данных появилась возможность представить более полную картину и предложить целостную схему развития.

Объектом исследования являются памятники эпохи неолита степного Поволжья.

Предметом исследования определено изучение культурно-хронологического соотношения памятников неолита степного Поволжья.

Территориальные рамки работы охватывают степное Поволжье. Южную часть региона занимают полупустынные массивы Северного Прикаспия (Астраханская область), а северная часть представлена степными ландшафтами Нижнего Поволжья (Саратовская область). Основная часть рассматриваемых памятников находится в Сыртовом Заволжье – орловская культура, джангарская культура – в Северо-Западном Прикаспии (Республика Калмыкия) и каиршакско-тентексорская в Северном Прикаспии.

Хронологические рамки. Наличие значительного массива радиоуглеродных дат, полученных в последнее время по материалам неолитических комплексов, дает возможность получить более конкретные хронологические рамки исследования. Начало неолита сопряжено с появлением первых керамических культур. В абсолютном выражении для степного Поволжья это вторая четверть VI тыс. до н.э. Завершение неолитической поры соответствует середине V тыс. до н.э.

Степень изученности. Начало изучения неолита степного Поволжья было положено на рубеже XIX-XX вв. Материалы изучаемого региона накапливались в результате изыскания таких специалистов как: Т.М. Минаева, П.С. Рыков, И.В. Сеницын, В.И. Мамонтов, В.П. Третьяков, В.И. Еремин.

Одним из первых начал целенаправленные исследования А.Н. Мелентьев. В результате этих работ (1968-1975 гг.) было выявлено более 400 стоянок, среди которых выделялись памятники с относительно однородными материалами. Это позволило исследователю обосновать выделение памятников мезолитической эпохи, а так же раннего и позднего неолита. К сероглазовской культуре были отнесены более ста стоянок [Мелентьев, 1976].

Раскопки поселения Джангар в 1979–1982 гг. позволили П.М. Кольцову охарактеризовать каменный и керамический материал стоянки. Автор, сопоставив находки с кремневыми изделиями сопредельных территорий, сближает каменный инвентарь Джангара с материалами Крымско-Кавказского региона и Восточного Предкавказья [Кольцов, 1984].

В 1981 г. экспедицией под руководством И.Б. Васильева был исследован памятник с сохранившимся культурным слоем – стоянка Тентексор, материалы которого легли в основу выделения нового культурного типа позднего неолита [Васильев, Выборнов, Козин, 1986]. В 1987-1989 годах были изучены стоянки Каиршак III и Каиршак I, которые имели полностью аналогичные материалы, что позволило ученым выделить их в особый культурный тип раннего неолита, названный «каиршакским» [Васильев, Выборнов, Козин, 1989].

В 1987–1993 гг. под руководством А.И. Юдина начались раскопки Варфоломеевской стоянки, материалы которой стали одним из опорных неолитических памятников Нижнего Поволжья, поскольку на нем прослежена достаточно четкая стратиграфия [Юдин, 1995].

В 2013–2016 гг. в Астраханской области Т.Ю. Гречкиной и А.А. Выборновым проводились раскопки стоянки Байбек. Наличие ям в материке и залегающий в них материал подтверждают наличие культурного слоя. В нем в большом количестве обнаружены керамические и кремневые изделия, а также кости животных и рыб [Гречкина, Кутуков, Выборнов, 2014].

В 2014–2016 гг. в Саратовской области А.И. Юдиным и А.А. Выборновым были начаты раскопки новых неолитических памятников с сохранившимся культурным слоем – Алгай и Орошаемое I. Их материалы схожи с комплексами Варфоломеевской стоянки. Полученные данные позволяют проследить периодизацию памятников от нижнего горизонта до верхнего, а так же получить новые данные по радиоуглеродной хронологии. Кроме того, обнаружены важные сведения о хозяйстве населения стоянок Орошаемое и Алгай [Выборнов, Юдин, 2015].

Целью работы является создание целостной картины культурно-хронологического соотношения неолитических памятников степного Поволжья. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать степень изученности и источниковую базу исследования.
2. Представить палеогеографическую характеристику региона.
3. Дать общую характеристику керамическим и кремневым комплексам неолитического населения степного Поволжья и определить культурную принадлежность материалов в связи с появлением новых данных.
4. На основе значительной серии радиоуглеродных дат (134) представить периодизацию и хронологию неолитических культур данного района.
5. На базе новейших данных разработать вопрос о времени сложения производящего хозяйства в степном Поволжье.

Источники исследования. Источниковой базой исследования послужили материалы, полученные раскопками И.Б. Васильева, А.А. Выборнова, Т.Ю. Гречкиной, Е.В. Козина, П.М. Кольцова, В.И. Мамонтова, А.Н. Меленьтева, И.Н. Наумова, В.П. Третьякова, А.И. Юдина. Работа опиралась на коллекции

с памятников Нижнего Поволжья, Северо-Западного и Северного Прикаспия, хранящиеся в фондах археологической лаборатории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Саратовского областного краеведческого музея, Калмыцкого государственного университета.

В работе использованы результаты полевых исследований, при участии автора, проводившиеся в период с 2013 г., благодаря которым получены новые материалы и данные по неолитическим стоянкам степного Поволжья (Байбек, Алгай, Орошаемое I). Также использовались отчеты о раскопках, хранящиеся в архивах ИА РАН, ИИМК РАН и ПГСГА.

Автор выражает искреннюю признательность Т.Ю. Гречкиной, П.М. Кольцову, А.И. Юдину за всестороннюю помощь при работе с материалами коллекций неолитических памятников степного Поволжья.

Методологическая и методическая основа исследования. Исследование построено на принципах историзма, системности и научности. Принцип историзма способствовал конкретизации процессов возникновения, динамики, взаимодействия и дальнейших судеб носителей неолитической культурной традиции степного Поволжья.

Как на стадии исследования памятников, так и в процессе камеральной обработки применялся междисциплинарный подход. В работе основополагающими методами исследования являлись археологические: типологический, стратиграфический, планиграфический. Для проработки массового материала применялись статистический и формально-классификационный методы. Кроме того, широко применялись результаты технико-технологического анализа изготовления неолитической керамики. Для определения хронологических рамок культур привлекались результаты радиоуглеродного датирования. Дополнением служили данные, полученные с помощью палинологических и остеологических определений. Для выявления стадийных этапов взаимодействия археологических культур и определения характерных и специфических черт развития неолита степного Поволжья применялся историко-типологический метод.

Научная новизна работы. В работе были проанализированы имеющиеся комплексы памятников Северного Прикаспия, Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Поволжья в едином методическом подходе. Это позволило выйти на новый качественный уровень интерпретации. В диссертации вводятся в научный оборот материалы новых неолитических памятников степного Поволжья – Байбек, Алгай и Орошаемое I. Учитывая их большую степень значимости, появилась возможность получить новую информацию по культурной принадлежности, периодизации и хронологии, типе хозяйства носителей неолитических культур интересующего региона. На основе полученной развернутой характеристики осуществлено новое обоснование каиршакско-тентексорской неолитической культуры. Новая значительная серия радиоуглеродных дат позволила откорректировать хронологические рамки как эталонных памятников, так и всего неолита степного Поволжья. Проблемы происхождения производящего хозяйства на данной территории

были рассмотрены на основании значительных остеологических коллекций новых неолитических памятников.

Научно-практическая значимость работы. Материалы неолитических памятников, рассмотренных в диссертации, составят прочный источниковый фундамент. Полученная значительная серия радиоуглеродных дат послужит надежным банком данных по абсолютной хронологии неолита степного Поволжья. Материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по неолиту, разработке спецкурсов по археологии для высших учебных заведений и учебных пособий по древней истории степного Поволжья, а также при создании археологической карты Нижнего Поволжья и музейных экспозиций.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность исследования определяется значительным количеством источников, содержащих большой объем информации. Она базируется как на однослойных стоянках, так и стратифицированных памятниках. Надежность выводов подкрепляется многочисленными результатами естественнонаучных методов. Основные положения исследования были изложены в докладах на XLIII Урало-Поволжской археологической конференции в Оренбурге (2011), на I и II научных конференциях молодых ученых «Новые материалы и методы археологических исследований» в Москве в 2011 и 2013 гг., на международной научной конференции «Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии» в Самаре в 2011 г., на 16-м заседании научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» в Твери в 2012 г., на конференции «Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность» в Самаре в 2013 г., на «IV Международной Нижневолжской археологической конференции» в Саратове в 2013 г., на международной конференции в Байбеке Астраханской области в 2014 г., на международных конференциях в Санкт-Петербурге в 2014–2016 гг., на конференциях Самарского археологического общества с 2010 по 2017 г., а также опубликованы в 16 печатных работах и 1 коллективной монографии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) На основе новых материалов, в том числе стратифицированных стоянок Алгай и Орошаемое I, фиксируется своеобразие в развитии кремневых индустрий и технологии изготовления керамики в разных районах степного Поволжья.

2) Новые материалы свидетельствуют о том, что кремневая индустрия памятников каиршакского типа является микролитической, так как геометрические микролиты обнаружены в закрытых комплексах совместно с керамикой.

3) Памятники каиршакского типа существуют со второй четверти VI тыс. до н.э. с перерывом от 7500 ВР до 7300 ВР, вызванным аридизацией, до начала V тыс. до н.э. Стоянки тентексорского типа фиксируются от начала до середины V тыс. до н.э.

4) Памятники джангарского типа существуют с последней четверти VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э.

5) Наиболее ранние комплексы орловской культуры фиксируются от 7600 лет ВР до 5800 ВР, с перерывом от 7500 до 7300 ВР, связанным с неблагоприятной природно-климатической обстановкой.

6) Неолитические материалы памятников степного Поволжья содержат данные исключительно о присваивающем типе хозяйства. Наиболее достоверные свидетельства появления в этом регионе скотоводства относятся к прикаспийской культуре.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, включающего иллюстрации и таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении рассматривается актуальность темы, степень ее изученности, формулируются цель и задачи исследования, определяются хронологические и территориальные рамки работы, ее методическая и методологическая основа, указаны научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

Глава 1. Историография неолита степного Поволжья. Физико-географическая характеристика территории Нижнего Поволжья.

Первый параграф «история исследования и историография неолита степного Поволжья» посвящен истории изучения и развития концепций неолита степного Поволжья.

В 70-80-е годы XX века ученые, на базе накопленных материалов, начали формирование первых концепций по неолиту степного Поволжья. В конце 80-х гг. И.Б. Васильев и А.А. Выборнов предложили схему развития неолита степного Поволжья. Исследователи отмечали, что культуры формировались на местной мезолитической основе. На левом берегу Волги выделялась каиршакско-тентексорская культура, а на правом берегу джангаро-варфоломеевская.

В 90-х г. формируются три подхода в изучении неолитических памятников степного Поволжья. Одни исследователи предлагали выделять каждый культурный тип в отдельные культуры – джангарскую, орловскую, каиршакскую и тентексорскую. Другие выделяли лишь две культуры: джангаро-варфоломеевскую и каиршакско-тентексорскую, составляющие нижневолжскую культурную область. Третьи рассматривали их как одну культуру, называя сероглазовской, с тремя фазами: ранняя – джангарская, развитая – тентексорская и поздняя – орловская.

На рубеже веков оставался ряд спорных вопросов. Наиболее проблематичным был вопрос – являются ли памятники каиршакского и тентексорского типов последовательными этапами одной культуры или они представляют собой разные культурные образования. Исследователями

рассматривался вопрос о дальнейших судьбах неолитического населения степного Поволжья. Предполагалось, что он связывается с развитием прикаспийской культуры, хотя плавного характера этот процесс не носил.

Спорными оставались моменты, связанные с наиболее древними звеньями неолитической эпохи степного Поволжья.

Во втором параграфе рассмотрено географическое положение региона и данные палеогеографии.

Значительно повлияла на природно-климатическую обстановку эпохи неолита дагестанская фаза новокаспийской трансгрессии. [Выборнов, Барацков, Гречкина, 2014]. В этот период специалисты отмечают в Северном Прикаспии изменение ландшафтов от сухих степей до пустынь, а на территории Северо-Западного Прикаспия распространяется полупустынная и степная растительность.

После начала атлантического периода и резкой аридизации в степном Поволжье и на территориях Приазовья и Подонья устанавливается благоприятный палеогеографический фон в интервале 7800–7500 л.н. Данные, полученные исследователями из культурного слоя стоянки Каиршак III, свидетельствуют о массовом развитии травянистых пород и возрастании злаковых, а главное о небольшом количестве древесных пород, что доказывает предположение о задернованности.

В период 7500 л.н. в северных степях специалисты отмечали жаркие и сухие условия. Подтверждение эти версии находят по данным с разрезов почвы на неолитических памятниках Каиршак III и Варфоломеевка.

Приведенные выше результаты реконструкции палеогеографического фона степного Поволжья в период 8000–6000 л.н. позволяют выявить важные изменения в функционировании неолитических памятников данного региона. Способствуют этому радиоуглеродные определения.

В интервале 7800–7500 л.н. при благоприятных условиях, функционируют наиболее древние неолитические комплексы типа Кугат IV, Кулагайси, Каиршак III, Варфоломеевской стоянки (нижнего уровня). В определённой мере ухудшают ситуацию резкая аридизация и похолодание климата в период 7500–7200 л.н. Это объясняет почти полное отсутствие памятников в Северном Прикаспии, где условия наиболее неблагоприятные.

В сторону улучшения природно-климатическая ситуация выравнивается лишь с конца VI тыс. до н.э. Именно по этому на финал VI – начало V тыс. до н.э. приходится увеличение количества памятников на территории степного Поволжья в целом. В Северном Прикаспии – Каиршак I, II, IV, в Северо-Западном Прикаспии – Джангар, в Нижнем Поволжье – 2Б слои Варфоломеевской стоянки.

Глава II. Источники по неолиту степного Поволжья и методика их обработки

В первом параграфе «Опорные памятники нижневолжского неолита» рассмотрены комплексы неолитических стоянок степного Поволжья. Неолитические памятники степного Поволжья объединяются в каиршакско-

тентексорскую и джангаро-варфоломеевскую культуры в рамках нижневолжской культурно-исторической области.

На левом берегу Волги выделена каиршакско-тентексорская культура, которая прошла три этапа. Наиболее ранний характеризуется материалами стоянок Кугат IV и Кулагайси. В кремневом комплексе памятников преобладает пластинчатая техника. Ведущую роль среди орудий занимают геометрические микролиты и скребки. Керамика встречена в малом количестве все сосуды прямостенны и изготовленны из илов. Орнаментальные композиции наносились в технике прочерка или овального накола. Развитой этап прослежен по материалам стоянок Каиршак III, I и Байбек. Размер заготовок для орудий увеличивается. Типы скребков становятся более разнообразными, параллелограммы исчезают. Плоскодонные сосуды изготавливались из илов и часто имели профилированную форму. Поздний этап выделяется по материалам стоянок Тентексор I, Жеколган и Качкарстау. Большая часть сосудов орнаментированна в технике отступающего накола овальной формы. Прослеживается геометризм, характерный для орнаментации посуды каиршакского типа. Каменный инвентарь крайне немногочислен, типов орудий становится значительно меньше. Среди геометрических микролитов преобладают трапеции со струганной спинкой. На венчиках формируется наплыв на внутренней стороне. Прослеживается разновременность материалов тентексорского типа. Памятники раннего этапа этой культуры имеют в кремневом инвентаре пережитки мезолитического времени, что дает основание для вывода о формировании каменной индустрии эпохи неолита на местной основе.

Вторая группа неолитических памятников степного Поволжья находится как на правом берегу, так и на левом берегу р. Волги. Джангаро-варфоломеевская культура в своем развитии прошла три этапа. Ранний этап выделяется по материалам стоянки Тубузгухудук I, чей кремневый инвентарь, по мнению П.М. Кольцова, восходит к мезолиту. Среди орудий в наибольшем количестве представлены скребки различных типов, наконечники стрел, микролиты. Сосуды прямостенны, днища плоские и округлые. Горизонтальные ряды и зигзаги нанесены как треугольными так и овальными наколами. Типологически средний этап представлен 2-ым и 3-им слоями поселения Джангар, нижними слоями стоянок Алгай и Варфоломеевская. Керамика изготавливается из илов и илистой глины, днища у сосудов плоские. Узор наносился в отступающей манере и прочерком. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами, треугольниками. Поздний этап выделяется по материалам верхнего слоя поселения Джангар и Алгай, а также слоем 2Б Варфоломеевской стоянки. В кремневом инвентаре появляются трапеции со струганной спинкой, а в керамическом – венчики с наплывом на внутренней стороне сосуда. Орнаментальные композиции становятся более геометричными. В слое 2А трапеции со струганной спинкой доминируют над другими формами. Увеличивается количество посуды с наплывом, появляются шевроны, многоугольники. На основании этих данных

и находки медной пластины ставится вопрос о поздненеолитическом возрасте находок. Временные рамки поздних этапов данных культур определялись второй половиной V – первой четвертью IV; развитый – первой половиной V, а ранние – второй половиной VI тыс. до н.э.

Несмотря на то, что материалы неолитических стоянок степного Поволжья объединены рядом технико-типологических признаков, остается ряд спорных моментов.

В материалах стоянки Тентексор геометрические микролиты представлены лишь трапециями со струганой спинкой, как и в синхронном ему слое 2А Варфоломеевской стоянки. Эволюционную смену сегментов с гелуанской ретушью на трапеции со струганой спинкой мы можем наблюдать на стоянке Алгай. В отличие от приведенных примеров в верхнем слое стоянки Джангар совместно с трапециями со струганой спинкой залегают сегменты с гелуанской ретушью. Помимо этого, на стоянке Тентексор для изготовления артефактов использовались крупные сколы, а на синхронной стоянке Джангар (верхний слой) доминируют пластины. Результаты исследования каменных индустрий синхронных памятников степного Поволжья и изучение новых материалов стоянок Алгай и Орошаемое I позволили выявить своеобразие в развитии кремневых индустрий в различных районах степного Поволжья.

Примеры особенности развития встречаются и в технологии изготовления керамики степного Поволжья. Полученные данные свидетельствуют о том, что на стоянках Северного Прикаспия от ранних памятников типа Кугат IV и Каиршак III, до поздних – стоянка Тентексор – для создания посуды использовался исключительно ил. В Нижнем Поволжье технология изготовления сосудов отличается от Северного Прикаспия. В нижнем слое Варфоломеевской стоянки илистые глины, доминирующие в 3 слое (79%), в слое 2Б (63%), 2А (53%) и верхнем слое (43%), постепенно заменяются глиной. На поздненеолитической стоянке Орловка большая часть сосудов (80%) была изготовлена из ила [Васильева, 2008]. Схожая ситуация складывается и на поздненеолитической стоянке Тентексор I в Северном Прикаспии. На стоянках Алгай и Орошаемое I также зафиксированы немногочисленные фрагменты сосудов из ила. Вышесказанное подтверждает неравномерность перехода к новому сырью, даже в границах одной культуры, что свидетельствует о своеобразии керамических технологий в разных районах степного Поволжья.

Что касается материалов стоянки Каиршак I, то на основании типологического анализа допускался их более поздний возраст по сравнению с комплексом Каиршак III. Это противоречит предположению А.В. Вискалина о том, что по ряду типологических признаков материалы стоянки Каиршак I более ранние, чем Каиршак III, на которой обнаружена посуда профилированной и биконической форм. Еще одним доказательством позднего возраста стоянки Каиршак I является трапеция со струганой спинкой, характерная для более позднего времени [Барацков, Выборнов,

Кулькова, 2012. С. 201]. Радиоуглеродные датировки подтверждают более древний возраст Каиршака III ($7775\pm 42\text{BP}$, $7700\pm 100\text{BP}$), по сравнению с Каиршаком I ($7180\pm 90\text{BP}$, $7100\pm 200\text{BP}$). Определенным доказательством является то, что на древнейшей стоянке каиршаковского типа была распространена посуда биконической формы. На новой неолитической стоянке каиршаковского типа – Байбек количество сложных биконических сосудов уменьшается, в материалах стоянки Каиршак I их меньше всего. Орнаментальные композиции подвержены тому же принципу [Барацков, 2013. С. 61]: от сложных геометричных орнаментов на стоянке Каиршак III они постепенно упрощаются к Каиршаку I. Это свидетельствует об определенном регрессе в керамической традиции каиршаковского типа.

А.В. Вискалин ставит под сомнение гипотезу А.А. Выборнова и П.М. Кольцова о формировании неолитических культур на местной мезолитической основе. По его мнению, формальное сходство кремневых изделий позднемезолитических и раннеолитических памятников еще не доказывает их родство, а является механической примесью изделий мезолитического времени. Однако, из-за различного расположения стоянок возможность смешения разновременных комплексов маловероятна. В топографическом плане неолитические поселения не накладываются на памятники мезолита. Это снижает возможность присутствия на них мезолитической примеси [Барацков, 2011. С. 22]. Предположение А.В. Вискалина о смешанном характере каиршаковских стоянок с мезолитом при тщательной проработке коллекций по типам сырья, также не находит подтверждения [Барацков, 2011. С. 23]. На Каиршаке I и III не представлены такие мезолитические типы орудий как наконечники стрел, пластины со скошенным концом, резцы, параллелограммы. Это еще одно доказательство того, что мезолитической примеси на данных памятниках нет. На стоянках Каиршак I и III типы орудий из серого матового, светлого и черного прозрачного идентичны, а значит, это не может быть остатками мезолитического слоя. На стоянке Каиршак I присутствуют микроскребки и ногтевидные скребки, которые отсутствуют в мезолитических памятниках [Барацков, 2011. С. 23]. Метрические параметры артефактов также не свидетельствуют о мезолитической примеси. Данные, полученные с неолитической стоянки Байбек, также отрицают гипотезу о том, что геометрические микролиты – это мезолитическая примесь. На стоянке сохранился культурный слой, в котором во всех ямах геометрические микролиты залежали вместе с неолитической керамикой. Это подтверждает, что геометрические микролиты не являются мезолитической примесью, а составляют единый комплекс с неолитической посудой.

П.М. Кольцов обращает внимание на ряд различий в кремневом и керамическом комплексе поселений Джангар и Тентексор I, при этом соглашаясь с их близким хронологическим возрастом. Схожие радиоуглеродные определения стоянок позволяют увидеть, что одновременные памятники могут развиваться по-разному.

До сих пор среди ученых нет единого мнения относительно вопроса – являются ли памятники каиршакского и тентексорского типов последовательными этапами одной культуры, или они представляют собой разные культурные образования. Стоит отметить ряд моментов, сближающие памятники каиршакского и тентексорского типа. На памятнике Каиршак III обнаружены фрагменты посуды тентексорского типа, рядом с которыми залежали «подлощенные» кости лучшей сохранности (7100BP). Вероятно, они принадлежат более позднему, чем основной каиршакский комплекс – раннему тентексорскому типу. Еще одним важным подтверждением единства каиршакско-тентексорской культуры могут выступать четыре фрагмента керамики, найденные в третьем горизонте стоянки Каиршак III. Узоры на фрагментах идентичны, но два черепка орнаментированы прочерченными линиями, а остальные – наколами. Орнамент на керамике стоянок Байбек и Тентексор имеет ряд схожих композиций, что подтверждает единство этих памятников в рамках одной культуры.

Анализируя материалы неолита степного Поволжья, можно сделать вывод о неравнозначности источников. На ряде памятников количество находок недостаточно для достоверного анализа и валидных выводов. Существование опорных памятников с сохранившимися слоями: Каиршак III, Тентексор, Джангар, Варфоломеевская стоянка позволили исследователям получить достоверный материал и создать рабочие модели периодизации и хронологии региона. Исследования новых неолитических стоянок Байбек, Алгай и Орошаемое I дали качественно новый материал и позволили решить ряд спорных вопросов.

Во втором параграфе «Методика обработки источников» уделено внимание проблеме перехода от мезолита к неолиту, «неолитической культуре», а также методам, использованным в работе.

В исследовании комплексов степного Поволжья использованы типологический, планиграфический, стратиграфический методы. При работе с массовым материалом применялись статистический и формально-классификационный методы. Широкое применение нашли результаты радиоуглеродного датирования неолитических стоянок, произведенные в ряде лабораторий, в том числе на АМС. Значительное внимание, при работе с керамическими коллекциями стоянок, уделено результатам технико-технологического изучения ранне-неолитической керамики, осуществленного И.Н. Васильевой. При работе с керамическими комплексами памятников за основу была взята методика, разработанная Н.Н. Гуриной для неолитической посуды. Кремневый инвентарь обрабатывался на основе типологических разработок, предложенных рядом специалистов. Материалы некоторых памятников были подвергнуты трасологическому анализу. Данные стратиграфии и планиграфии ряда памятников позволили установить локализацию материалов в пределах раскопа а также выделить участки хозяйственной активности населения. Картографический метод использовался для выявления ареала распространения неолитических памятников в пределах

степного Поволжья и реконструкции возможных путей передвижения населения в рамках указанной территории.

Особое внимание в данном исследовании уделено анализу радиоуглеродных определений, полученных по органике из керамической посуды в Киевской радиоуглеродной лаборатории и лаборатории РГПУ. А также датировкам, полученным на АМС по нагару на керамике в лабораториях гг. Уппсала, Орхус, Познань. Кроме того, рассмотрена серия радиоуглеродных определений, полученных по почве, костям и раковине моллюсков из неолитических слоев ряда памятников. Работа с датами осуществлялась согласно рекомендациям опубликованным Г.И. Зайцевой. Калибровка дат проводилась в программе OxCal 3.10.

Для выяснения некоторых вопросов методического характера привлекались специалисты естественных наук: ботаники, геологи, зоологи. В работе был задействован ряд теоретических методов исторического исследования. Для выявления стадийных этапов развития культур использовался историко-сравнительный и историко-типологический методы. Принцип историзма позволил рассмотреть динамику неолитического периода от мезолита до энеолита и связать со схожими явлениями сопредельных регионов.

Глава 3. Проблемные вопросы хронологии и производящего хозяйства

В первом параграфе «Периодизация и хронология неолита степного Поволжья» рассмотрены вопросы, связанные с периодизацией неолита степного Поволжья, и проанализированы радиоуглеродные определения ряда неолитических памятников региона.

Новый этап в изучении хронологии степного Поволжья стал возможен с получением в радиоуглеродной лаборатории г. Киева серии из 46 дат. Радиоуглеродные определения подтвердили предположение о одновременности стоянок Каиршак I и III, которые основывались на типологическом сравнении. Полученные датировки удревели возраст памятников каиршакского типа на тысячу лет, и теперь он соответствует второй четверти VI тыс. до н.э. Новые данные для памятников тентексорского типа оказались на 1000 лет древнее прежней. Даты для стоянки Тентексор были проверены в радиоуглеродной лаборатории г. Уппсала, и они практически совпали с датами киевской лаборатории.

Более ранний типологический облик материалов стоянки Качкарстау относительно материалов стоянки Тентесор был подтвержден датой – 6730±80 ВР. Судя по датировкам, хронологический диапазон памятников тентексорского типа – первая половина V тыс. до н.э.

Для керамики 3-его слоя стоянки Джангар получены даты рубежа VI и V тыс. до н.э. Второй слой был датирован первой четвертью V тыс. до н.э.

Датировки 3-его, 2Б и 2А слоя Варфоломеевской стоянки значительно отличались от полученных ранее. По новым датам выстраивалась последовательная хронологическая схема: 3-ий слой – последняя четверть VI тыс. до н.э.; 2Б – рубеж VI и V тыс. до н.э., а 2А – первая четверть V тыс. до

н.э. Именно этим А.И. Юдин объясняет плавное развитие керамического и каменного инвентаря стоянки от слоя 3-его до слоя 2А.

Судя по полученным датам, самые древние комплексы представлены материалами стоянок Кугат IV и Каиршак III – первая половина VI тыс. до н.э. Во второй половине VI тыс. до н.э. продолжают бытовать комплексы каиршакского типа, но в результате аридизации, часть каиршакского населения вынуждена уйти на северо-запад, о чем свидетельствует керамика каиршакского типа в нижнем слое поселения Джангар. Население перемещалось и на север, где появляется прочерченная орнаментация и технология изготовления керамики из ила в третьем слое Варфоломеевской стоянки.

До сих пор в хронологии неолита степного Поволжья сохраняется ряд дискуссионных вопросов. Одним из наиболее важных является определение хронологических рамок бытования как отдельных стоянок, так и культур в целом. В последние годы в этом направлении проводится целенаправленная и систематическая работа, результаты которой вводятся в научный оборот как в отечественной печати, так и за рубежом [Барацков, 2012, 2013, 2014].

По костям со стоянки Каиршак III в лаборатории РГПУ были получены даты, совпавшие с датами 2007 года. Возможно, столь раннее значение вызвано резервуарным эффектом, поскольку сосуды изготавливались из ила. Однако озерные раковины совпадают по времени с моментом изготовления керамики. Как удалось выяснить, и они имеют определенное удревание. Подтверждением этому служит пример с датировкой керамики стоянки Тентексор, где резервуарный эффект составляет 500 лет. Из образца естественная примесь раковин моллюсков была удалена. Поэтому нет веских оснований предполагать влияние резервуарного эффекта [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 200]. Подтверждением правильности киевских дат является значение, полученное в 2012 году по органике в керамике стоянки Тентексор в лаборатории РГПУ ($6650 \pm 100 \text{BP}$), полностью совпадающее с датами по органике в керамике стоянки Тентексор, полученными в лабораториях г. Уппсалы и г. Киева. Более того, по необожжённым костям со стоянки Тентексор в этой же лаборатории получена дата – $6540 \pm 100 \text{BP}$, совпавшая с определениями по органике в керамике.

Исследователи предполагают, что даты по костям, которые на 500 лет моложе дат по керамике на стоянке Каиршак III, относятся к верхнему уровню залегания материала [Выборнов, 2008. С. 10]. Этот уровень, по данным Е.А. Спиридоновой, моложе нижнего соответственно на 500–600 лет. Эти кости отличаются лучшей сохранностью. В этом же слое жилища стоянки Каиршак III были обнаружены три фрагмента керамики от одного сосуда. Они отличаются от каиршакских и более сходны с тентексорскими [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201]. Можно предположить, что эти фрагменты, как и кости, принадлежат более позднему, чем основной каиршакский комплекс – раннему тентексорскому типу.

Для разрешения данного противоречия датирование материалов эпохи неолита Северного Прикаспия было продолжено. По органике в керамике стоянки Каиршак III на АМС в лаборатории г. Уппсала получена дата – $7775 \pm 42 \text{BP}$, совпавшая с датами лаборатории г. Киева. Еще одним подтверждением валидности служит дата, полученная в лаборатории РГПУ по нагару с керамики стоянки Каиршак III – $7700 \pm 120 \text{BP}$. По данным исследователей, нагар может удревнять в случае приготовления рыбной пищи. На стоянках Северного Прикаспия кости рыб обнаружены лишь на памятнике Байбек. Это свидетельствует о валидности даты, полученной по нагару, а значит и тем датам по керамике, которые соответствуют ей. Дело в том, что самые древние значения (7950 ± 90 ; $7890 \pm 90 \text{ BP}$) противоречат данным палеогеографов о ситуации в данном регионе на рубеже бореального и атлантического периодов. Что касается материалов стоянки Каиршак I, то на основании типологического анализа допускался их более поздний возраст по сравнению с комплексом Каиршак III. Данное предположение подтвердилось датами по органике в керамике, сделанными в киевской лаборатории – 7230 ± 90 и $7180 \pm 80 \text{BP}$, получившие подтверждение в лаборатории РГПУ ($7100 \pm 200 \text{BP}$). Это противоречит предположению А.В. Вискалина о том, что по ряду типологических признаков материалы стоянки Каиршак I более ранние, чем Каиршак III. На основании полученных дат время развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии продолжается со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н. э. [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012].

Многочисленные даты, сделанные для Варфоломеевской стоянки в разных лабораториях по различным материалам доказывают, что наиболее вероятный интервал функционирования слоя 2Б от 7100 до 6900 BP. Для слоя 2А, судя по полученным радиоуглеродным датам, наиболее приемлемый интервал существования от 6700 до 6400BP. Относительно радиоуглеродных датировок 3 слоя стоянки Варфоломеевская у исследователей нет единого мнения. Некоторые ученые отмечали сходство материалов стоянки Каиршак III и нижнего слоя Варфоломеевской стоянки. Следовательно, если стоянка Каиршак III датируется 7700BP, то и наиболее ранние значения стоянки Варфоломеевская (7760 ± 100 , $7620 \pm 100 \text{BP}$) можно признать валидными. Однако, другие ученые считали материалы стоянки Каиршак III архаичнее Варфоломеевских, а значит, есть вероятность, что даты удревнены.

Существенный хронологический разрыв между ранними датами (7760 ± 100 , $7620 \pm 100 \text{BP}$) и более близкими слою 2Б (7250 ± 80 , $7170 \pm 90 \text{ BP}$) можно объяснить аридизацией климата, произошедшей в период 7500–7300BP. Стерильная прослойка между нижним и 2Б слоем подтверждает данную гипотезу. Это означает, что наиболее архаичные датировки вероятнее всего валидны. Столь близкие значения дат третьего слоя (от 7250 ± 80 до $6980 \pm 200 \text{BP}$) и слоя 2Б (от 7230 ± 90 до $6980 \pm 90 \text{BP}$) Варфоломеевской стоянки могут объясняться нарушением нижнего слоя котлованами из верхних горизонтов, что приводило к смешению артефактов. Если доверять

датировкам нижнего слоя, то этот хронологический разрыв попадает на время аридизации, а значит, даты 7760 ± 100 и 7620 ± 100 BP валидны. В таком случае и даты порядка 7700BP для стоянки Каиршак III могут быть достоверны.

Для верхнего слоя Варфоломеевской стоянки были получены даты по органике в керамике порядка – 5800BP. В лаборатории РГПУ продатирован нагар с сосуда, залегавшего в верхнем слое на глубине 9–10 см. Полученная дата (5800 ± 150 BP) полностью совпадает со значением по органике (5810 ± 80 BP). Вероятнее всего, даты отражают находки мариупольского времени. Хронологические рамки прикаспийской культуры соотносятся со значениями верхнего слоя Варфоломеевской стоянки.

Для правобережья Волги имелись радиоуглеродные датировки по стоянке Джангар. Они сделаны по углю для первого и второго слоев памятника и фиксировали рубеж V и IV тыс. до н.э. На основании этих дат исследователи допускали сосуществование неолитического населения с хвалынской культурой. Затем были получены даты из киевской лаборатории, которые были на 1000 лет древнее датировок по углю. Ситуация была аналогична материалам Каиршака III, Тентексора и Варфоломеевской стоянки. Решению данного противоречия способствовала дата по углю, взятая из очага между третьим (нижним) и вторым (средним) слоями – 6870 ± 130 BP. Если по органике в керамике для третьего слоя дата – 6990 ± 90 BP, по углю между слоями – 6870 ± 130 BP, по органике в керамике второго слоя – 6780 ± 90 BP. Это соотношение еще раз доказывало приемлемость методики датировки по органике в керамике. Дата для верхнего слоя, полученная по нагару на АМС в лабораториях гг. Хельсинки и Уппсала (6564 ± 44 BP), хорошо согласуется с периодизацией поселения Джангар, подтверждает правомерность дат по органике в керамике и снимает ряд других вопросов. Даты по углю 6100 и 5900BP, полученные в середине 80-х годов XX века, скорее всего, отражают находки мариупольского времени, присутствующие в верхнем слое Джангара.

Материалы стоянки Орловка специалисты соотносили с комплексами поздненеолитических стоянок Тентексор, Джангар (верхним слоем) и Варфоломеевки (слоем 2А). Дата, полученная по керамике – 6647 ± 150 BP [Андреев, Барацков, Выборнов, 2016], совпала с датировками этих комплексов. Еще одна дата, полученная по органике в керамике тентексорского типа поздненеолитической стоянки Жеколган – 6566 ± 120 BP, подтвердила основания специалистов, которые синхронизировали ее с материалами верхнего слоя поселения Джангар и стоянки Тентексор.

Для стоянки Байбек в познаньской лаборатории по нагару с керамики получена дата – 7350 ± 50 BP, подтверждающая типологические построения исследователей. Вторая дата для стоянки Байбек получена по костям животных – 6955 ± 80 BP [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2014] несколько моложе даты по нагару. Здесь возможны разные варианты. Например, влияние на дату по нагару резервуарного эффекта. Во-вторых, не следует исключать омоложение дат по костям. Примером могут служить даты поселения Байбек, полученные по костям – 5800 ± 130 и 5700 ± 100 BP. Однако дату, полученную

по костям ($6955\pm 80\text{BP}$), подтверждает датировка по органике из керамики – $6920\pm 120\text{BP}$, сделанная в лаборатории РГПУ М.А. Кульковой. Если признать даты по костям и органике из керамики валидными, то возраст стоянки Байбек не $7350\pm 50\text{BP}$, а $6955\pm 80\text{BP}$, что на 400 лет меньше. Поскольку датировки по нагару оказались не валидны, радиоуглеродное определение было сделано по углю – $6986\pm 44\text{ BP}$. Вторая дата по углю из зольника 2 ($6827\pm 100\text{BP}$) полностью подтвердила не только первую дату из лаборатории в г. Уппсала, но и даты по кости и органике в керамике порядка 6900 BP. Датировка угля из зольника 2 позволяет установить удревнение нагара ($7937\pm 48\text{ BP}$) из этого же объекта на тысячу лет. На основании схожих дат из зольника 2 и ямы 1 можно предположить их одновременность, а значит и совместное сосуществование прямостенных орнаментированных ($6952\pm 80\text{ BP}$) сосудов и биконических неорнаментированных сосудов ($6827\pm 100\text{ BP}$), залегающих в яме и зольнике.

Для стоянки Алгай получен ряд радиоуглеродных датировок по различным материалам позволяющих проследить хронологическое развитие памятника на всем протяжении его функционирования, а также сравнить датировки различных материалов из одного горизонта. Артефакты нижнего слоя близки слою 2Б стоянки Варфоломеевская ($6850\pm 40\text{BP}$), что подтверждается и датировкой по кости с горизонта 150-140 см ($6820\pm 80\text{BP}$) [Барацков, Выборнов, Юдин и др., 2016. С. 49] и нагару с керамики с горизонта 140 см ($6800\pm 40\text{BP}$). Сходные даты получены и для материалов стоянки Байбек в Северном Прикаспии (6955 ± 80 – кость и $6920\pm 120\text{BP}$ – керамика), где обнаружены аналогичные сегменты. О валидности датировок стоянки Алгай свидетельствуют даты по кости с вышележащего уровня 140–130 см – $6654\pm 80\text{BP}$, а также дата по кости с глубины 130–120 см ($6577\pm 80\text{BP}$). Из общего массива дат несколько выбиваются датировки по углю из «условно выделенного» среднего слоя –120–110 см (6605 ± 32 , $6360\pm 250\text{BP}$), что может объясняться недостаточным количеством бензола или «расслоением очага». Для горизонта 110 см получена дата по кости ($6479\pm 70\text{BP}$), которая с учетом поправки выглядит валидно. С уровня 100 см получены даты по углю на АМС ($6490\pm 40\text{BP}$), костям ($6318\pm 33\text{BP}$) и нагару ($6245\pm 32\text{BP}$). Материал верхней половины культурного слоя несколько отличается от находок нижних горизонтов и соотносится со слоем 2А Варфоломеевской стоянки. Это подтверждается радиоуглеродными определениями по коллагену (80–70 см (5875 ± 60)) и костям (70–60 см (5680 ± 80); 60-50 см (5720 ± 120)). Аналогичная дата получена по нагару на Варфоломеевской стоянке из слоя 2А ($5800\pm 150\text{ BP}$).

Из одного слоя (110 см) стоянки Алгай были получены даты по углю ($6605\pm 32\text{BP}$) и позвонкам рыб ($7580\pm 46\text{BP}$), что свидетельствует об удревнении на 1000 лет, которое связано с рыбной пищей.

В конце 2016 года была получена дата по гуминам со дна жилища стоянки Алгай – $7284\pm 80\text{ BP}$. Если она валидна, то время существования памятника будет значительно удревнено. Не исключено, что дальнейшие

раскопки позволят выявить материалы аналогичные 3-ему слою стоянки Варфоломеевская.

Полученные данные дают основания выстроить хронологическую схему стоянки Алгай. Нижний слой – 7284 ± 80 BP (150–140 см), 6800 ± 40 и 6820 ± 80 BP, слой с глубины 140–130 см – 6654 ± 80 BP, с горизонта 130–120 см – 6577 ± 80 BP, «средний слой» с глубины (120–90 см) – 6605 ± 32 ; 6479 ± 70 BP; 6360 ± 250 BP; 6318 ± 33 ; 6245 ± 32 ; 6490 ± 40 BP и верхний слой (80–50 см) – 5875 ± 60 , 5720 ± 120 , 5680 ± 80 BP. В случае если радиоуглеродные датировки точны, то стоянка Алгай является уникальным памятником, который существовал от 7200 до 5700BP. Однако, судя по материалам стоянки, у автора работы складывается мнение, что комплекс можно разделить на две одновременные группы. Первая представлена развитым неолитом (сегменты с гелуанской ретушью), а вторая поздним неолитом (трапеции со струганой спинкой). Эту версию подтверждает существование лакуны в датировках (6300–6100BP). Но, вероятнее всего, она связана с аридизацией климата. На находящейся в этом районе стоянке Варфоломеевская фиксируется схожая ситуация – даты порядка 6400–6100BP отсутствуют.

Благодаря радиоуглеродному датированию различных материалов (нагар, органика, уголь, кости и гумины) степного Поволжья мы получаем функциональную хронологическую модель данного региона. На текущий момент можно предполагать время развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н.э., где памятники тентексорской культурной традиции появляются с последней четверти VI тысячелетия до н.э. На правом берегу р. Волги развитие неолитической культуры поселения Джангар проходило в период с последней четверти VI тысячелетия до середины V тысячелетия до н.э. Получили подтверждение хронологические рамки развития слоев 3 (нижний от 7700 до 7600BP), 2Б (от 7100 до 6900BP) и 2А (от 6700 до 6400BP) Варфоломеевской стоянки. Верхний слой этого памятника датируется началом IV тысячелетия до н.э. Стоянка Байбек функционирует в период 6950–6850BP, стоянка Алгай с 7200 по 5650BP, а поселение Орошаемое с 7200 до 5800BP, с возможным перерывом, вызванным аридизацией климата.

Во втором параграфе третьей главы рассматриваются *проблемы происхождения производящего хозяйства в неолите степного Поволжья*. Специалисты искали подтверждение появления производящего хозяйства в степном Поволжье уже в неолите. Однако, контекст залегания артефактов, связанных с доказательством наличия скотоводства на памятниках Нижнего Поволжья, достаточно сложен. В верхнем слое Варфоломеевской стоянки присутствует комплекс прикаспийской энеолитической культуры. Жилища из верхних слоев этого памятника прорезали залегающие ниже культурные отложения, что могло привести к поглубинному смещению остеологических остатков. Что касается поселения Джангар, то предварительные данные о наличии domesticiрованной фауны касались исключительно верхнего слоя

памятника. Судя по анализу находок в этом слое, здесь присутствует каменный инвентарь и керамика прикаспийской энеолитической культуры. Выводы источниковедческого характера подтверждаются и результатами радиоуглеродного анализа: в верхних слоях поселения Джангар и Варфоломеевской стоянки получены даты, соответствующие хронологии прикаспийской культуры. Изучение остеологических коллекций на данных памятниках, сделанное П.А. Косинцевым, свидетельствует либо об отсутствии костей домашних животных, либо о невозможности выявления четких диагностических отличий диких и домашних форм в данный хронологический период. За последние годы получены достоверно однослойные памятники для развитого неолита (стоянка Байбек и нижние слои стоянки Алгай), на которых определены исключительно дикие виды животных. Единственным домашним животным является собака. Что касается материалов позднего неолита, то предположение о присутствии домашней овцы в комплексе стоянки Тентексор опровергается полученной радиоуглеродной датой. Не обнаружены останки костей домашних животных и в верхнем слое стоянки Алгай, синхронный материалам позднего неолита тентексорского типа в Северном Прикаспии. По определениям И.Е. Кузьминой, появление производящего хозяйства в Северном Прикаспии связано с носителями хвалынской культуры. Исследования последних лет на стратифицированном поселении Орошаемое свидетельствуют о том, что кости домашней овцы фиксируются в слое более ранней прикаспийской культуры. Таким образом, можно сделать вывод о появлении производящего хозяйства в степном Поволжье, судя по радиоуглеродным датам около 6000 лет ВР.

В заключении подводятся основные итоги исследования, обозначаются наиболее важные проблемы и намечаются пути их решения.

Приведенные в работе результаты реконструкции палеогеографического фона степного Поволжья в период 8000–6000 л.н. позволяют выявить важные изменения в функционировании населения неолитических памятников данного региона.

Исследования материалов, полученных в 80-х г., предоставили ученым возможность на основании технико–типологических признаков выстраивать не только периодизацию степного Поволжья, но и создавать первые хронологические модели и высказывать предположения о преемственности памятников. Полученные комплексы позволили выделить этапы в развитии населения Северного Прикаспия: раннего, представленного памятниками Кугат и Кулагайси, развитого – каиршакский тип, а также позднего – тентексорского типа. Неолитические памятники степного Поволжья объединяются в каиршакско-тентексорскую и джангаро-варфоломеевскую культуры в рамках нижневолжской культурно-исторической области.

Благодаря появлению новых материалов и значительного количества радиоуглеродных дат были предложены варианты решения спорных вопросов степного Поволжья. Получили обоснование определения по костям, которые моложе дат по керамике. На ряде примеров получены данные об удревнении

нагара, образовавшегося в результате приготовления рыбной пищи. Подтвердилось предположение о времени развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н. э. Были предложены и соотнесены хронологические рамки бытования различных слоев стоянки Варфоломеевская и поселения Джангар. Материалы, полученные со стоянки Байбек, позволили решить ряд важных вопросов. Совпадение датировок по органике в керамике, кости, углю и гуминовым кислотам позволяет сделать выводы не только о валидности датирования органики в керамике, но и существовании стоянки на протяжении приблизительно 100–150 лет и единстве материалов неолитического памятника Байбек. Одним из важнейших результатов является обнаружение в закрытых комплексах керамики и геометрических микролитов. Это подтверждает своеобразие каменной индустрии каиршакского типа. Исследование стоянки Алгай позволило типологически и хронологически соотнести его материалы с Варфоломеевской стоянкой. На основании датировки, полученной со dna жилища по гуминам, существует вероятность, что дальнейшие раскопки позволят выявить материалы аналогичные 3-ему слою стоянки Варфоломеевская. В материалах стоянки Алгай обнаружена керамика, изготовленная из ила, что еще раз подтверждает предположение о более раннем возрасте технологии изготовления посуды Северного Прикаспия. Если радиоуглеродные датировки точны, то стоянка Алгай является уникальным памятником, который существовал от 7200 до 5700 лет ВР. Судя по стратиграфии и хронологии стоянки Алгай, можно предположить, что в период – 6300-6100 лет ВР стоянка не посещалась из-за аридизации климата, что находит подтверждение и в датировках стоянки Варфоломеевская.

Ряд исследователей выдвигали предположение, что производящее хозяйство появилось в степном Поволжье уже в неолите. Однако в случае с Варфоломеевской стоянкой достоверность залегания материалов вызывает ряд вопросов. Данные о доместикации животных для поселения Джангар относились только к верхнему слою памятника, а в нем, как и в верхнем слое Варфоломеевской стоянки, были обнаружены артефакты прикаспийской культуры. Радиоуглеродные значения верхних слоев памятников совпадают с датировками прикаспийской культуры. Исследования материалов новых стоянок (Байбек, Алгай) позволили выявить лишь дикие виды животных. Единственным доместичированным животным является собака. Изучение остеологических коллекций, проведенное П.А. Косинцевым на памятниках степного Поволжья, свидетельствует либо об отсутствии костей домашних животных, либо указывает на отсутствие четких диагностических отличий домашних и диких видов. Если признать слой с материалами прикаспийской культуры поселения Орошаемое I поздним неолитом, то это будет единственная стоянка в степном Поволжье с сохранившимся культурным слоем и достоверным производящим хозяйством.

Датировки верхнего слоя стоянок Алгай и Варфоломеевская совпадают не только между собой, но и с радиоуглеродными значениями прикаспийской культуры. Это ставит на повестку дня разработку вопроса о сосуществовании или взаимодействии орловской и прикаспийской культур, а также об источнике появления производящего хозяйства на территории степного Поволжья.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Коллективная монография:

1) Барацков А.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Северного Прикаспия / А.А. Выборнов, А.В. Барацков, Т.Ю. Гречкина, М.А. Кулькова, Г.И. Зайцева, Г. Посснерт. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. – 456 с.

входящих в Перечень журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

2) Барацков А.В. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия / А.В. Барацков, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова // Известия Самарского научного центра РАН. Том 14. № 3. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. – С. 200-204.

3) Барацков А.В. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, А.В. Барацков, М.А. Кулькова, П.М. Кольцов, А.И. Юдин, Т. Джалл, Т. Гослар, М. Ойнонен, Г. Посснерт, Б. Филиппсен // Известия Самарского научного центра РАН. Том 15. № 5. – Самара: СНЦ РАН, 2013. – С. 254-260.

4) Барацков А.В. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, А.В. Барацков, Т.Ю. Гречкина, Е.Л. Лычагина, А.Г. Наумов, Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова, Т. Гослар, М. Ойнонен, Г. Посснерт // Известия Самарского научного центра РАН. Том 16. № 3. – Самара: СНЦ РАН, 2014. – С. 242-248.

5) Барацков А.В. Итоги радиоуглеродного датирования материалов неолита степного Поволжья / А.В. Барацков // Известия Самарского научного центра РАН. Том 17. № 3. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2015. – С. 228-233.

6) Барацков А.В. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья / К.М. Андреев, А.В. Барацков, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова, М. Ойнонен, Г. Посснерт, Д. Медоуз, Й. ван дер Плихт, Б. Филиппсен // Известия Самарского научного центра РАН. Том 18. № 6. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2016. – С. 148-152.

7) Барацков А.В. Дискуссионные вопросы изучения неолита степного Поволжья / А.В. Барацков // Известия Самарского научного центра РАН. Том 18. № 6. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2016. – С. 148-152.

8) Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье / А.И. Юдин, А.А. Выборнов, И.Н. Васильева, П.А. Косинцев, М.А. Кулькова,

Т. Гослар, Б. Филиппсен, А.В. Барацков // Самарский научный вестник № 3(16). Самара, 2016. – С. 61-69.

Статьи, опубликованные в научных сборниках:

9) Барацков А.В. О возможности механического смешения комплексов каменного века Северного Прикаспия / А.В. Барацков // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011.

10) Барацков А.В. Проблема нового метода датировки по неолитической керамике Северного Прикаспия / А.В. Барацков // Новые материалы и методы археологического исследования. Москва, 2011.

11) Барацков А.В. О возможности механического смешения комплексов каменного века Северного Прикаспия / А.В. Барацков // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург, 2011.

12) Барацков А.В. Планиграфический и стратиграфический анализ распределения керамики стоянки Каиршак III / А.В. Барацков // Археология восточно-европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013.

13) Барацков А.В. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия / А.В. Барацков // Новые материалы и методы археологического исследования. Москва, 2013.

14) Барацков А.В. О соотношении памятников каиршакского и тентексорского типов / А.В. Барацков // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014.

15) Барацков А.В. Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите Нижнего Поволжья / Выборнов А.А., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю. // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. Санкт-Петербург, 2014.

16) Барацков А.В. Экологические ниши и специфика хозяйства неолита степного Поволжья / А.В. Барацков // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Санкт-Петербург, 2015.

17) Барацков А.В. Новая стоянка степного неолита Алгай / А.В. Барацков, А.А. Выборнов, А.И. Юдин, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова, П.А. Косинцев, Т. Гослар, Б. Филиппсен. // Традиции и инновации в изучении Древнейшей керамики. СПб, 2016.